

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2025.2.2.001

УДК 1 (115; 122)

С. А. Лишаев*

БЫТЬ В ОТВЕТЕ (ЖИЗНЬ КАК ДАННОСТЬ)

В статье рассматривается ответственность как конститутивная характеристика человеческого бытия. Анализируется связь между ответственностью как способностью иметь дело с данностью сущего и способностью временения. Прослеживается зависимость между признанием ответственности определяющей характеристикой человека и его производностью как субъекта от первосубъекта (от Другого). В основе способности человека быть соавтором хронорисунка его жизни лежит способность временения. Исследованы основания способности человека к реактивной и проактивной деятельности. Данность жизни как целого задолго до ее конца превращает жизнь в задание, в задачу. Ее решение предполагает постановку надситуативных целей, стремление к которым актуализирует длинную волю. Если ответственность и признание производности человека как субъекта от первосубъекта лежит в основе традиционного миропонимания, то гуманистическая установка Нового времени выстраивает миропонимание на основе принципа автономного, самоутверждающегося субъекта. В гуманистическую эпоху творческий акт («да будет!») как акт создания нового оттесняет на второй план установку на вслушивание, всматривание в данное, на подражание ему, на его культивирование. Отсюда различия в понимании индивидуальной ответственности, которая производна от ответственности человеческого бытия.

Ключевые слова: жизнь, время, вечность, человек, субъект, первосубъект, данность, ответственность, ответственность.

---

* Лишаев Сергей Александрович — д-р филос. наук, проф., lishaevs@bk.ru, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева, Самара, Московское шоссе, д. 34.

Sergey A. Lishaev — Dr. of Science in Philos. Sciences, Prof., lishaevs@bk.ru, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

S. A. Lishaev
TO BE RESPONSIBLE (LIFE AS GIVEN)

The article considers answerability as a fundamental characteristic of human being. Answerability as an ability to deal with the givens of being is related with the timing ability and grounds in the fact, that the man as a subject is derivative from the initial subject (the Other). The ability of timing the life is a basis to the human ability of being a coauthor of the chronodesign of his life. The author analyses the basis of the abilities of reactive and proactive activities. The perception of life as a whole turns it into a task, a target a long time before its end. Accomplishing of this task implies setting a supra-situative goals, and the pursuing of them activates the long will. The humanistic attitude of the modern era builds the world outlook on the basis of the autonomous self-sufficient subject, while the traditional world outlook grounds into the answerability and the primacy of the initial subject. In the humanistic era the creative act of producing the New displaces the former attitude of perceiving, imitating and cultivating the given.

Keywords. Life, time, eternity, man, subject, initial subject, givens, answerability, responsibility.

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.

О. Мандельштам

В ответе на данное

(«Дано мне тело — что мне делать с ним?»)

Данность и ответственность*. Присутствует то, что сознается. Человек существует, сопresentуя с данным ему сущим. Только часть из того, с чем мы сопresentуем, дано благодаря нашим усилиям. По большей части данное дано непроизвольно. Найденное и сделанное нами добавляется к уже данному. Первые воспоминания совпадают с рождением «я» как индивидуализированного центра сознания. Мы помним с момента, когда появляется бытие от первого

---

* В первой статье из цикла «Жизнь и время» речь шла о *хроноустройстве индивидуальной жизни*. Ближайшим образом — о ее темпоральной пластичности [3]. В завершающей части работы указывалось на связь между сознанием, субъектностью, временением, темпоральной пластичностью и ответственностью «я» за жизнь в ее итоговом хронообразе. Утверждалось, что *ответственность* за персональный хронообраз связана с *ответственностью* как отличительной особенностью человеческого бытия. Ответность была определена как онтологическое основание ответственности. Однако ни ответственность, ни ответственность не получили концептуальной проработки. В настоящей работе мы сфокусируем внимание на анализе ответности человеческого бытия.

лица («я»), способное удерживать данное в качестве своего. Сознать значит иметь дело с данным; осознанно действовать значит отвечать на данное.

Каким бы ни был источник данности данного, с данным приходится считаться. Наши произвольные и непроизвольные, положительные и отрицательные реакции — это ре-акции на данное. Человеческую жизнь можно определить как бытие-в-ответе «на» (и «за») данное, что не умаляет нашей способности к проактивному поведению. Вопрос о том, что лежит *в основе* человеческого бытия: открытость существу и способность отвечать на данное или способность действовать *по своей инициативе, проактивно*? Если исходят из открытости существу, это предполагает онтологическое ограничение человека как субъекта данностью данного. Если исходят из человека как автономного деятеля, любые ограничения рассматриваются как внешние (временные) ограничения я-субъекта, которые должны быть им преодолены. Первая позиция представляется нам более обоснованной.

Быть-в-ответе не значит быть в пассивной позиции. Ответность означает, что активность ограничена данным и в тех случаях, когда человек действует по ситуации, и тогда, когда он преследует далекие цели и исполняет когда-то данные обещания, то есть действует проактивно.

Жизнь в перспективе, задаваемой данностью данного, открывается как общение с данным. Один имярек отличается от другого тем, что ему дается, и тем, что ему не дается. Человеку дано многое, но из окружающего его мира до него доходит не все. Разным людям, пребывающим в одном и том же месте, открывается разное. Можно смотреть и не видеть, слушать и не слышать. Сущее не тождественно данному*. Многое из того, что доступно органам чувств, до сознания не доходит. Дано то, что значимо для индивида, что смогло пройти сквозь неосознаваемые им ценностно-смысловые фильтры, отделяющие полезное от бесполезного, интересное от неинтересного, безопасное от опасного, особенное от обычного и т. д.

Отвечать на данное не значит отвечать на все данное. Напротив, осознанное проживание жизни предполагает анализ данного на предмет выявления того, что требует ответа в первую очередь. Жизнь, проживаемая «с умом», предполагает расстановку приоритетов. Не все из данного *настоятельно*, не все стоит того, чтобы думать о нем, не все требует практического ответа. Что-то оставляет нас равнодушными, что-то принимается к сведению и со временем забывается. От ответа можно уклониться, от него можно на время воздержаться («когда-нибудь потом займусь этим!»). По-настоящему настоятельно лишь то, что *беспокоит, удивляет, восхищает, пугает, etc.*

Данное, когда оно по-настоящему задевает, вопросительно, то есть способно побудить нас к постановке вопросов и поиску ответов: «что это было? откуда взялось? что мне с этим делать? за что это мне?» и т. д. Чем больше сущее задевает, тем оно более вопросительно, тем выше его субъектность**.

---

* Ключи в «голове» (ключи в их данности) — не то же самое, что ключи в кармане.

** Термин «субъект» мы используем в том значении, которое было общепринятым до его переосмысления Декартом и другими мыслителями Нового времени. В своем исходном значении субъект — это «то, что лежит в основе». В такой трактовке человек не противо-

Из данностей, которые вызывают удивление, рождаются философские вопросы. Например, вот этот: «Почему вообще есть что-то, а не ничто?».

Жизнь в дательном падеже. Помимо номинативных и номинативно-подобных грамматических конструкций («я не спал», «он завидовал» и т. д.) в русском языке широко распространение имеют безличные конструкции с личным местоимением в дательном падеже: «мне не спится, нет огня» (А. Пушкин), «мне тяжело», «мне дышится легко», «дано мне тело» и т. д. Обо всем, что происходит с человеком, можно высказаться двумя указанными способами. Конструкции с безличной формой глагола и именем в дательном падеже (дательные и дательноподобные конструкции) интересны в том отношении, что человек в них предстает не как агент, деятель, а как экспериенсер [2, с. 44–45], то есть как субъект, пассивно переживающий то, что ему дано.

Языковые формы не только *выражают* многократно повторенный людьми опыт, они несут в себе *определенное понимание* происходящего. То, в какой мере язык выражает бытие как бытие, мы здесь рассматривать не можем. Для целей нашей работы достаточно отметить, что человеческое бытие выражает себя в языковых формах, а изменение этих форм по ходу истории свидетельствует об изменениях в самосознании людей.

Культура модерна исходит из того, что человек — это *деятельный* субъект, инициатор процессов, креатор. На шахматной доске мире сего он всегда играет за белых: он тот, кто делает первый ход, кто нечто начинает и мыслит самого себя как причину изменений в своей жизни и в окружающем мире. Такой взгляд на человека поддерживается номинативными конструкциями. Именно под данным углом зрения и сегодня смотрят на человека в постхристианском обществе позднего модерна. Однако наличие универсальных и широко используемых (во всяком случае в русском языке [2, с. 55–72]) альтернативных номинативноподобным конструкциям грамматических форм высвечивает ту модальность человеческого бытия, которая находится в центре внимания этой работы.

Безличные конструкции с личным местоимением в дательном падеже обнаруживают альтернативный модерну (традиционный) подход к человеку и миру. Сознание и существование ребенка выражается именно такими конструкциями. Целерациональное поведение взрослого (я хочу, я могу, я должен это сделать) для человека не изначально. Оно покоится на фундаменте открытости-данности-ответности. Как проактивный деятель человек произведен от ответственности своего бытия.

Безличные конструкции описанного типа свидетельствуют о человеке, сознающем себя частью Целого, то есть субъектом, производным от перво-субъекта и отвечающим на данное. В них находит выражение мироощущение субъекта традиционного общества. Оно контрастирует с самоощущением человека модерна, которому «сподручнее» говорить о себе с помощью номинативных конструкций и по возможности избегать конструкций дательных.

поставляется нечеловечески существу как объекту. Сущее, с которым «я» имеет дело, в этой парадигме тоже субъектно (в частности, субъектно человеческое тело). Но разное сущее субъектно по-разному и в разной мере.

Поскольку человеческое бытие сказывается языком и в языке, то к значащим грамматическим формам следует относиться как к свидетельствам, анализом которых пренебрегать не следует. Безличные конструкции с личным местоимением в дательном падеже показывают, что одно и то же происшествие может быть осмыслено и понято по-разному. Допустим, эта ночь прошла без сна. О бессоннице можно сообщить, используя номинативную конструкцию: «Я этой ночью не спал». А можно прибегнуть к конструкции в дативе: «Этой ночью мне не спалось». Одна и та же данность описывается по-разному. В одном случае мы описываем мир, где, как предполагается, у всего есть причина, на которую можно указать, а значит, иметь возможность, сделать усилие, контролировать происходящее. Причиной происходящего здесь является субъект (человек, «я»), но ей может быть и объективная причина, когда нечто происходит по физическому, химическому, биологическому, психологическому и т. д. закону («перед сном я выпил чашку кофе»).

В приведенном выше примере причина бессонницы, если мы описываем ее в рамках номинативных конструкций, ясна — это «я». «Кто виноват в том, что я не спал? Я виноват!» В безличной конструкции с личным местоимением в дательном падеже говорящий исходит из того, что причина отклонения от обычного порядка не ясна («если говорить обо мне, то я очень хотел уснуть»), в ней предполагается/допускается действие неведомых человеку сил природного или сверхприродного характера. Они-то и помешали мне уснуть*.

Имплицитное толкование состояний, описываемых с помощью языковых конструкций указанного типа, задается заложенным в них пониманием мироустройства. Это не мир, где только человек субъектен, а прочее сущее — это противостоящий ему объекты. В нем не все можно при желании прояснить и если не сейчас, то когда-то поставить под контроль. Это мир самодеятельных субъектов, чье поведение просчитать-предугадать «с гарантией» не получается. Ведь субъекты, имея основу в самих себе, не прозрачны для рассчитывающего мышления.

Мироощущение, которое выражаются безличными конструкциями в дательном падеже, свидетельствует о мире, в котором субъектен не только человек, но и другие силы. Человек в этих конструкциях описывается как *экспериенцер*, то есть как *субъект, принимающий и претерпевающий* данное. В них он явлен как бытие от первого лица, *переживающее и сознающее* то, что с ним происходит в результате воздействия неопределенных субъектов. Практический ответ на данное субъектов «старого мира» и субъектов модерна зависит от ментального ответа на него (от того, как осмыслено и выражено данное).

Безличные конструкции с личным местоимением в дативе интересны тем, что в них являет себя исходная форма бытия как соприсутствия, в них человек представлен субъектом, переживающим данное и готовым, что предполагают номинативные конструкции, к ответу и ответственности за ответ. В дативных конструкция за данным угадывается неопределенная сила, которая обращена к человеку и действует на него. За данным скрывается его податель. «Дано мне тело». Кем дано? В этой конструкции «я» предстает как *цель глагольного*

---

* Подробнее о семантике подобных грамматических конструкций см.: [2, с. 55–76].

действия [1, с. 2–13]: «я» тот, кому вручено тело. Его данность — предмет осознанного переживания. Причина состояний человека, описываемых в дативных конструкциях указанного типа, связывается с действием иного субъекта. Если мне дано море, мое настроение видоизменяется и становится *морским*, если солнце, «на душе становится светло, солнечно» и т. д.

Имение дела с данным в такого рода конструкциях раскрывается как взаимодействие двух субъектов: *подающего* и *пассивного, принимающего* «подачу» (известного). *Дающий* (подающий) субъект *остаётся неопределённым*. Нечто дано... Но кем дано? И зачем? Причиняющий субъект скрыт, и это порождает вопрос о причине, по которой данное дано. Причина предполагается, допускается, но не конкретизируется. Данное здесь явным образом вопросительно. Отвечать на вопрос (вопросы) можно по-разному, а риск установления именованной подающей инстанции человеку приходится брать на себя.

Мир, в котором исходят из данного, «я» и «другие люди» — это только *одна из действующих сил*. Сила среди сил, субъект среди субъектов. Такой мир можно назвать *теоцентричным* или *полицентричным*, но это не мир новой европейской науки и философии, *не антропоцентричный мир*^{*}.

В полисубъектном мире не только человек обращен к сущему, но и сущее обращено к человеку, оно его окликает, к нему вопрошает, чего-то от него «ожидает». Обращенность сущего к человеку тонко чувствовали многие писатели и художники. А. П. Чехов в повести «Степь» описывает, как эта обращенность переживается и сознается человеком. У созерцателя степи возникает впечатление, что *она ищет в нем того, кто даст ей* (в себе) *слово*, кто отзовется на ее присутствие в нем:

«...как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!» [9, с. 46].

Призыв этот тем настойчивее, чем больше данное задевает человека, чем сильнее оно его притягивает (как желанное, привлекательное, возвышенное) или отталкивает (как страшное, ужасное, безобразное, скучное, etc.) [5, с. 61–102].

Сама по себе способность иметь дело с данным *имплицитно предполагает* (на принимающей стороне) *возможность ответа, отзыва*. Ответ может иметь разную форму: от пристального внимания и вдумчивого осмысления данного до практического действия. Данное «обращено» к тому, кому оно дано^{**}. Понятно, что не всегда данность данного воспринимается как обращение, как призыв. Но то переживание, которое описано в повести «Степь», неявным образом присутствует в любой данности.

В безличных конструкциях с личным местоимением в дательном падеже находит свое грамматически-речевое выражение специфическое положение

---

^{*} Яркое описание полицентрического мира (мира глазами ребенка) и анализ его принципов можно найти в воспоминаниях П. А. Флоренского [7, с. 152–189].

^{**} Быть данным для того или иного сущего означает: оставаясь на своем месте, сопresentствовать (в сознании) с другим сущим.

человека как сущего, понимающего в сущем. Он тот, кому многое дано, он воспринимает данное как обращенное к нему: как трогательное, задевающее, привлекательное, удивительное, страшное и т. д. Когда к человеку обращаются люди, они артикулируют то, с чем и зачем обращаются: они сообщают, спрашивают, призывают, указывают и т. д. Нечеловечески сущее обращается без слов. Обращение бессловесного сущего переводит в речь воспринимающий его человек.

Человек, занимающий принимающую (ответную) позицию, переживающий данное, являет себя существом, вовлеченным в отношения с неизвестными ему субъектами (с другим/Другим), как центрами силы, стоящими за данностью данного. Нечто дано или не дано («мне сегодня улыбнулось счастье», «мне не пишется», «мне стало не по себе» и т. д.). В таких сообщениях скрыта следующая установка: данное не зависит от моей воли, от моих действий, нечто происходит неизвестно почему, само собой. Вчера мне не писалось, а сегодня — *почему-то* — пишется. Я и вчера хотел писать и даже пытался сделать это. Но написал мало. А сегодня — без видимых причин — работа пошла. Дативные конструкции говорят о мире, в котором не все зависит от человека. В нем есть место вдохновению, удаче, в нем кайрос соседствует с хроносом.

Мир в дативном падеже — это *мир обратной, а не прямой перспективы*. В этом мире не мы строим картину мира с нашей точки зрения (как в реалистической живописи), напротив, в этом мире лики икон «смотрят на нас» из другого мира, а мы этим ликам, выступающим из непроницаемого золотого фона, отвечаем молитвой. Мир обратной перспективы предполагает предстояние и самоумаление, а мир, увиденный в логике прямой перспективы, зовет углубиться в него, исследовать его. Такой мир предполагает активного, смелого и гордого человека. В мире, где исходят из данного, миру не диктуют правил, здесь склоны вслушиваться в «музыку сфер», читать знамения, толковать символы и т. д.

Это не мир-механизм, это мир живой, одушевленный, полный сил. («Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик... / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...», Ф. Тютчев.) Такой мир не прозрачен для ума, он символичен. В нем надеется место для пророков, святых, ясновидцев, поэтов. Его не разложить на составляющие без остатка, в нем не все измеримо, не все можно рассчитать, подвести под общее правило (закон) и подчинить с помощью суперкомпьютера.

Но мы живем — в плане культуры — не в нем, а в мире прямой перспективы, резко кренищемся в сторону использования номинативных конструкций. В этом мире человек выступает как первосубъект, окруженный объектами преобразования, манипулирования, разборки и последующей сборки, осуществляемой под решение конкретных задач. Данное в нем — это объект познания и преобразования в интересах субъекта. Человек модерна исходит из себя, и для него важно не данное ему, а сделанное им, важно то, что его утверждает. Он стремится переделать мир для себя и под себя. Данное для него — не более чем ресурс для самореализации.

Выведение первосубъекта «за скобки» — основополагающий акт гуманистической веры. Однако феноменология человеческого бытия, вопреки постулатам

этой веры, свидетельствует об обратном: *человек свободен, но не автономен*. Тела своего люди не выбирают. Они не выбирают, иметь его или не иметь, иметь мужское тело или женское, тело европейца или африканца, иметь хороший слух или острый глаз и т. д. Отсюда стремление человека модерна к эмансипации от всего данного как «навязанного», не выбранного. В этом состоит идеологическое основание борьбы современных ультралибералов за гендерное, расовое, культурное равенство и многообразие. Девиз позднего модерна: не должно быть ничего данного, только сделанное, только выбранное.

Осип Манделштам в первой строчке стихотворения «Дано мне тело...» указывает на связность «я» с телом и временем как на исходную точку в анализе человеческого бытия. Тело дано, вручено, поручено «я-субъекту» и отдельно от него не существует, но и «я», лишенное тела, в мире временных тел существовать не может. Тело дано как одушевленное, живое и сознающее, а инстанция, делающая его данным, скрыта и остается на протяжении жизни, *за-данной* для сознающего. За-данное — это Другое (дух). Иногда Другое просвечивает сквозь данное, и тогда человек встречается с тем, что принято именовать символом. За-данное дано как задание, требующее решения с опорой на символы.

Данное и время. (Чередование данного и временение).

Причастность Другому позволяет иметь дело с сущим и задает *темпоральный горизонт соприсутствия и ответного действия*. Сущее дано в определенном пространстве («где?») и времени («когда?»)*. *Данность* данного неотделима от способности *временения*. Первое влечет за собой второе. Иметь дело с данным по-человечески, значит (сознаем мы это или нет) занимать ответную позицию. Ответ как то, что следует за данным предполагает овременение сущего. Бытие-в-ответе — бытие временное. Время и пространство — априорные формы сознаваемого (данного) сущего. Сущее дано как «что-то», что есть где-то/нигде/в уме и когда-то/никогда/вечно.

В качестве *подответного* сущее являет себя человеку — в порядке онтогенеза — одновременно с возникновением я-сознания (кризис 3-х лет). «Иметь дело с» способно «я» как устойчивый, покоящийся по отношению ко всем переменным центр, сохраняющий свою тождественность по отношению к меняющемуся телу, к тому, что ему дано, к ответам на данное. Когда нечто имеет для «я» место, оно находится *в ответном положении*, а значит, отвечающее я-сознание вынуждено учитывать хроно-различия между *есть теперь, было дано, будет дано*, если я отвечу. «Отвечать или не отвечать? Как ответить? Когда ответить? Что будет, если ответить?» Это вопросы, которые стоят маленьким человеком и запускают процесс овременения данного.

Онтогенетически место и время как характеристики данного осваиваются по мере взросления. Сначала ребенку открывается сущее (кто-то, что-то),

---

* Данность сущего свидетельствует о том, что скрыто за ней: о *ни-что*, о Другом как сверхпространственном и сверхвременном (метафизическом) начале. Временность и временность сущего, открываемая человеком, — свидетельствует о его причастности к «зерну вечности» (М. Лермонтов, «Мой дом», 1831).

потом — его местоположение, еще позже — его темпоральный модус. В перцептивном хаосе младенческой души постепенно выкристаллизовывается то, от чего зависит его жизнь. Временные модусы данного («было», «есть», «будет») сознаются им в ходе его реакцией на появление-исчезновение значимого сущего, прежде всего, матери. Времена заявляют о себе *в ответ на чередование присутствия/отсутствия* важного для младенца сущего. Чередование данного — условие его удержания и предвосхищения. Удержание и предвосхищение позволяют ребенку, который пребывает в процессе обособления от окружающего сущего, упорядочивать данное и корректировать свои состояния с помощью его хроно-сортировки. Чередование присутствия/отсутствия любимого существа приводит к складыванию структур прошлого (память) и будущего (ожидание) как модусов упорядочивания данного. Дано многое, но *не сразу*. Чтобы разобраться с порядком его данности, требуется отделять наличное данное от данного, которое неналично. Постепенно ребенок научается выстраивать неналичное, но данное, в определенный временной порядок*.

Рассмотрим, как воспринимает сущее ребенок, начинающий «входить в разум». В комнату входит мама (ребенок улыбается), она выходит из нее (ребенок плачет), мама снова входит (ребенок успокаивается) и т. д. Присутствие/отсутствие желанного/нежеланного сущего (с момента, когда ребенок его сознает) подготавливает предварительную модальность временения в форме дано/не дано, здесь/не здесь, теперь/не теперь. Чередование присутствия/отсутствия сущего, фиксируемое за счет его сознания и именованя, способствует установлению темпорального порядка. Постепенно из нерасчлененного «не теперь» выделяются две временных модальности: прошлое и будущее в их отличии от настоящего (играли/играем/будем играть).

«Я и садовник, я же и цветок»

Подответная жизнь. Данное и ответы на него овременены, но по-разному. Они включены в разные хроно-горизонты. Эти горизонты можно разделить на *ситуативные* и *надситуативные*. Данное — это не только наличное, не только то, с чем мы имеем дело в рамках ситуативного временения и ситуативных ответов на данное. Надситуативный горизонт временения позволяет соединить когда-то данное с настоящим и с тем, что еще будет. Способность временения собирает прошлое, настоящее и будущее (в границах индивидуального века) в один темпоральный «узор». Жизнь в целом хотя и не имеется в наличности, но дана (вообразена, сознана) как ограниченная длительность. Данная «одним

---

* Мама то приходит, то уходит. Ребенок не просто помнит свою мать (собака тоже помнит — узнает хозяина и ждет его появления), он *знает* ее и *зовет* («мама!»). Зовет ее, а не бабушку. Когда ее нет на месте, она остается с ним в замещающем ее имени-образе; отсутствуя, она присутствует. Ребенок знает, кого ему не хватает. Он запоминает хорошее и плохое и учится удерживать бывшее (память) и желать-ожидать, предугадывать (учитывать) то, что возможно (будущее). Будущее для него поначалу — это возвращение бывшего как данного. В чередовании присутствия/отсутствия того, что значимо, формируется способность удерживать желанное с опорой на имя и образ любимого лица, удерживать то, чего нет в наличии.

кусом», она ставит перед человеком вопросы («Кто дал мне меня и мою жизнь? Ради чего? Почему на время? Что мне с ней делать?») и «ожидает» ответов на них. Можно сказать, что эти вопросы ставит перед «я» тело как субъект низшего уровня, неотделимый от «я».

В качестве данной жизнь побуждает соотнести ее с тем, что «за» ней (с большим временем, с вечностью), с тем, из чего ее можно было бы наполнить смыслом, отнеся часть к целому, единичное ко всеобщему. Такая отнесенность способная дать смертному смысловую опору. Незавершенная, но данная (в своей воображаемой завершенности) жизнь задана «я». Она как целое подведена под ответ, *подответна*. Жизнь за-дана (дана за пределами текущего момента) как задача, требующая решения, требующая ответа на вербально-смысловом и на практическом уровне. Ответ на/за данность жизни — необходимое условие осмысленного и продуктивного существования взрослого человека.

Ответ на данность жизни, как и ответственность за нее, предполагают выход за пределы бытовых, ситуативных целей и надситуативных целей малого (внутривозрастного) радиуса действия к большим, трансцендентным жизни целям (целостностям). Такие цели выводят из ограниченности частного бытия. Они отвечают на данность жизни и сами требуют практического ответа уже на их данность. Стремясь к цели, человек *включает* жизнь в более масштабные и долговечные целостности (семья, род, народ, культура) с их более богатым, чем у индивидуальной жизни, содержанием.

Но цели внутри исторического времени и жизнь в ответе на них в полной мере удовлетворить «человека отвечающего» не могут. Дело в том, что культурное «бессмертие» невозможно освободить от кавычек. Коллективные тела живут долго, но они не бессмертны. Индивидуальная жизнь в полноте ее времен — это жизнь, знающая свою временность, она побуждает отнести ее к тому, что ей трансцендентно не только по горизонтали (историческое время), но и по вертикали (вечное).

Предельной целью для индивида может быть только то, что вечно: абсолютная полнота, цельность всего сущего, соприсутствие всего во всем (соборная полнота времен, собранность сущего). Абсолютное как цель относит «я» к тому, что «расположено» по ту сторону исторического времени.

Подответность жизни как заданной «я» в имманентном (биографическом) и трансцендентном ему (историческом, эсхатологическом, теологическом) измерениях экзистенциальной задачи (вопроса) — требует соотнесения с целью как ее решением. Однако это решение, которое надо еще обосновать и реализовывать на протяжении жизни. Практическая реализация ответа является для индивида косвенным подтверждением его верности, обоснованием того, что цель была выбрана правильно.

Решая задачи, поставленные данностью данного, мы помещаем данное в темпоральный порядок индивидуальной и общей — семейной, народной, человеческой — жизни. При этом ответ мы адресуем или включенному во временной порядок условному целому (цели), или Другому как первосубъекту (Целому), стоящему за нашей способностью иметь дело с данным и овременять его. (Другое не до и не после, Другое вне времени.) Человеку за-дано стремление к тому, из чего он уже исходит: к полноте бытия.

Жизнь в проактивном режиме («Узора милого не зачеркнуть»).

Как бытие-в-ответе человек проживает жизнь ретроактивно. Но онтологическая ответственность его бытия не означает, что он (на онтическом уровне) не способен к *проактивному* действию. Следовать надситуативным целям значит осознанно *формировать* свою жизнь в качестве хронопорядка и воздействовать на жизнь общества^{*}.

Менять хронорисунок жизни человек способен благодаря особым отношениям со своим телом. Данность своего тела отлична от данности прочего сущего, от солнца, камня, тела другого человека и т. д. Например, я воспринимаю солнечный свет. Его данность меняет мое состояние, по солнцу я ориентируюсь в пространстве, во времени и т. д., но солнце и его свечение от меня не зависят. Я отвечаю *на* его данность, но не отвечаю *за* его существование. В случае данности собственного тела «я» *может им управлять, направляя его* на те или иные цели, может требовать исполнения данных субъектом обещаний и т. д. Отвечая на данное, человек воздействует на хронорисунок жизни и участвует в создании ее «узора»^{**}.

Тело не только дано мне, тело и есть «я сам» как существующий, действующий субъект. Соответственно, когда «я» отвечает на данность тела как длящегося в границах века, ответ будет интегральным, то есть претворяющим время жизни в причудливый темпоральный узор.

На данность тела человек, поскольку он стремится к соавторству в создании хронообраза жизни, отвечает осознанием онтологических координат, постановкой надситуативных целей и актуализацией воли к их достижению. Доля проактивных действий взрослого человека определяет меру его личного участия в создании неповторимого хроноузора индивидуальной жизни. Большие цели обязывают и... дают силы для ведения осмысленной (отнесенной к другому/Другому) жизни. Ответ на данное в форме постановки отдаленных целей (предельная цель — Целое, полнота бытия, для христианина — Царство Божие) актуализирует длинную волю, которая востребована, когда есть большая/великая цель. Длинная воля телеологична. Большие цели генерируют осмысленное поведение на ближних, средних и дальних дистанциях. Чем «дальше» цель «расположена», чем она «выше», тем более она действенна в качестве целевой причины, чем «ближе» она сердцу и уму, тем заметнее движение жизни в заданном целью направлении.

Когда в текущей ситуации нет причин, чтобы делать над собой усилие, у человека, ангажированного дальней/вечной целью, такая причина имеется. Усилие без видимых причин — это усилие, исходящее из цели и движимое целью. Целевая причина и длинная воля структурируют персональное время. Персональная телеология — это ответ «я» на отсутствие в настоящем полноты

---

^{*} Косвенно все люди воздействуют на общую жизнь, на ее продолжение, изменение. Что касается прямого воздействия, то здесь нужны общественные институты, через посредство которых индивид может влиять на хронопластику коллективных тел.

^{**} Вещи, которые принадлежат мне на правах частной собственности, продолжают мое тело, и их «судьба» зависит от моей воли.

присутствия, ответ на временность сущего, принявший форму проактивного этоса. Жизнь, организованная телеологически, воспринимается как задача, решение которой требует подвести ее под цель (под ответ). Этой целью (ответом) может быть 1) образ желанной жизни в границах жизни, 2) хронообраз целой жизни, включенной в историческое время, и, наконец, 3) ее образ, отнесенный к Другому.

К Другому (вечному) человек причастен изначально*, а отнесение к нему смертного «я» возможно или через вынесение цели за пределы исторического времени (историческая эсхатология), или через вертикализацию настоящего как времени трехактного временения, то есть через отнесение настоящего к вечности (индивидуальная эсхатология). Дело в том, что внимание человека может произвольно или произвольно смещаться с *переходного настоящего* на *(на)стоящее настоящее*, на полное настоящее [4, с. 388–413]. Волю к полноте бытия здесь и теперь (эсхатологическую волю) питают встречи с Другим, то есть события, переживаемые как окликнутость безусловно особенным. Однако по условиям человеческого существования воле к со-бытию с Другим в настоящем реализоваться крайне сложно. Настоящее постоянно маргинализируется трехактным временением. Человек вовлечен в быт и без трехактного временения и переходного настоящего обойтись не может. Однако воля к жизни в непереходном настоящем побуждает «я» к произвольному смещению внимания с горизонтали на вертикаль, на эсхатологизацию индивидуального времени в полноте настоящего.

Субъектная редакция жизни осуществляется благодаря соотношению ее текущего содержания с онтологическими координатами и надситуативными (временными и вневременными) целями. Это позволяет человеку, оставаясь «внутри» общей жизни, не ограничиваться ролью более или менее успешного исполнителя анонимных био- и социо- хроносценариев. Субъектная редакция жизни, осуществляемая в проактивной деятельности, вносит в анонимный хроносценарий авторские коррективы. Человек стремится вписать *свое временное* существование в другое/Другое, в то, что долговечно/вечно.

Если неповторимый узор жизни не выходит за рамки временного миропорядка, он обречен, со временем, стать неразличимым. Время убивает все временное. («Запечатлется на нем узор, / Неузнаваемый с недавних пор»). Индивидуальный узор может сохранить узнаваемость, определенность, если дыхание (жизнь) вот-этого человека (неповторимый узор его судьбы) запечатлеются «на стеклах вечности».

Влияние результатов проактивной (телеологически обусловленной) деятельности на темпоральный порядок жизни заметно тем больше, чем больше она ориентирована по вертикали («На стекла вечности уже легло / Мое

---

* Причастность человека метафизическому началу, тому, что в нем, но ему не принадлежит, философы описывают по-разному, например, так: «“реальная философия” <...> — конструктивный элемент режима, в каком может осуществляться жизнь нашего сознания» [6, с. 59], или так: «метафизика есть основное событие в человеческом бытии», «она и есть само человеческое бытие» [8, с. 26]. Представители христианской философии для обозначения причастности к Другому чаще прибегают к использованию библейского понятия о человеке, сотворенным «по образу и подобию Божию».

дыхание, мое тепло. <...> Пускай мгновения стекает муть — / Узора милого не зачеркнуть»).

«За радость тихую дышать и жить / Кого, скажите, мне благодарить?»

Как субъект, отвечающий на данное, как сущее, причастное Другому (перво-субъекту), человек способен к творчеству, к созданию из данного нового. Поставленная и достигаемая цель — не более, но и не менее чем *форма ответа на овременность данного*. Предельная цель (абсолютная полнота, соборность сущего) — это форма ответа на задачу, заданную тем способом, которым человек есть. Цель — ответ на данность жизни, а проживаемая жизнь — ответ на цель. *Если у человека возникает вопрос о том, кого благодарить «за радость тихую дышать и жить», то у него возникает и другой вопрос: перед кем я буду отвечать за жизнь, которая мне дана? Можно заранее предположить, что адресация благодарности и ответственности в данном случае будет одной и той же.*

Человеку, отвечающему на данное, приходится принимать ответственность за решение экзистенциальной задачи, за все сделанное и не сделанное в жизни. Вопрос в том, перед кем держать ответ за жизнь сданную на проверку? Перед собой? перед другими? перед инстанцией, давшей данное? Личная ответственность человека — ответственность за узор, оставленный им «на стеклах вечности» (для человека модерна — на стеклах большого времени). Человеку многое дано, и он *на* многое и *за* многое отвечает. Но прежде всего он отвечает «*на*» и «*за*» данность ему тела, а значит — и жизни, которую он называет своей.

Человек рожден, включен в череду поколений и разделяет свою судьбу с судьбой человеческого рода. Способность иметь дело с данным передана ему, а с данностью данного ему передана ответственность за ответ. Сопричастность предкам и потомкам делает «я» ответственным не только за свою, но и за их жизнь. В следующей статье мы продолжим размышления об ответственности в аспекте ответственности человека за свое бытие и рассмотрим, как решение вопроса об инстанции, перед которой человек ощущает ответственность за жизнь, влияет на формирование персонального этоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобылев Б. Г.* О семантической композиции стихотворения О. Мандельштама «Дано мне тело...» // Русская речь в современном вузе: материалы международной научно-практической интернет-конференции 01.12.2013–20.01. 2014, Орел. Б. И., 2014. С. 9–15.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. Ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. *Лишаев С. А.* Жизнь и время. Хронопластика и хронообраз (Статья находится на рецензировании в редакции журнала «Философия. Журнал Высшей школы экономики»).
4. *Лишаев С. А.* Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022. 512 с.
5. *Лишаев С. А.* Эстетика Другого. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 380 с.
6. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию? М.: Изд-во Прогресс; Культура, 1992. 416 с.

7. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М.: Моск. рабочий, 1992. 560 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
9. Чехов А. П. Степь // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 7. М.: Наука, 1977. С. 13–104.

REFERENCES

1. Bobylev, B. G. O semanticheskoi kompozitsii stikhotvoreniia O. Mandel'shtama "Dano mne telo..." [On the semantic composition of O. Mandelstam's poem "A body has been given to me..."] In: *Russkaia rech' v sovremennom vuze: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii* (01.12.2013–20.01. Orel. B. I. — 2014). [Russian speech in a modern university: proceedings of the international scientific and practical Internet conference]. Orel, 2014, pp. 9–15 (in Russian).
2. Vezhbitskaia, A. Iazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 416 s. (in Russian).
3. Lishaev, S. A. Zhizn' i vremia. Khronoplastika i khronoobraz (Stat'ia nakhoditsia na rassmotrenii v redaktsii zhurnala "Filosofia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki") [Life and Time. Chronotuning and chronoimage (The article is under review in the editorial office of the journal "Philosophy. Journal of the Higher School of Economics")].
4. Lishaev, S. A. *Filosofiya vozrasta (vozrast i vremena)* [Age Philosophy (Age and Time)]. Saint Petersburg, Aletejja, 2022, 512 s. (in Russian).
5. Lishaev, S. A. *Eстетика Drugogo* [Aesthetics of the Other]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2008, 380 s. (in Russian).
6. Mamardashvili, M. K. *Kak ia ponimaiu filosofiuu?* [How do I understand philosophy?] Moscow, Progress; Kul'tura Publ., 1992, 416 s. (in Russian).
7. Florenskii, P. A. *Detiam moim. Vospominan'ia proshlyi dnei. Genealogicheskie issledovaniia. Iz solovetskikh pisem. Zaveshchanie* [To my children. Memories of the last days. Genealogical research. From the Solovetsky letters. The will]. Moscow, Mosk. Rabochii Publ., 1992, 560 s. (in Russian).
8. Khaidegger, M. (1997). *Bytie i vremia* [Being and Time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997, 451 s. (in Russian).
9. Chekhov, A. P. Step'. In: *Chekhov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: v 18 t., 1974–1983. T. 7* [Complete collection of op. and letters: In 30 volumes Op.: In 18 volumes. Vol. 7]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 13–104. (in Russian).